

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 595.7:821.161.1 Пушкин А. С.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-93-106

ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА В ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

Джанумов С. А.

*Московский городской педагогический университет
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Цель данного исследования – выявление пушкинской концепции Петербурга в поэме «Медный Всадник», устойчивого комплекса мотивов и образов, имеющих отношение к «северной столице».

Процедура и методы исследования. В статье приведён анализ взглядов некоторых предшествующих и современных исследователей последней пушкинской поэмы, проводится мысль, что «град Петров» в творческом сознании Пушкина ассоциировался с несокрушимостью и мощью России. Методология состоит в раскрытии литературных приёмов Пушкина при описании Петербурга (образов, рифм, эпитетов и т. д.).

Результаты проведённого исследования. Обращается внимание на то, что многие образы и краски в картине Петербурга не что иное, как пушкинские реминисценции и автоцитаты, что несколько не отменяет, говоря словами В. Г. Белинского, «высокой и мощной поэзии» не только Вступления, но и всей рассматриваемой в статье «петербургской повести». Делается вывод, что «Медный Всадник» является одним из тех произведений Пушкина, которые положили начало «Петербургскому тексту» (термин В. Н. Топорова) русской литературы.

Теоретическая / практическая значимость. В статье обобщён материал по исследуемой теме и вместе с тем в научный оборот введены наблюдения над авторскими культурно-историческими и пейзажно-ландшафтными характеристиками Петербурга, представленными в пушкинской поэме. На основе проанализированного материала можно сделать вывод, что в «Медном Всаднике» Петербург представлен как объект и субъект повествования. Выделенные в статье поэтические приёмы направлены на то, чтобы передать пушкинское восприятие великолепия, очарования и красоты Петербурга и вместе с тем его дисгармонию в часы разрушительного наводнения, безраздельного господства стихии.

Ключевые слова: два лика Петербурга, литературный фон поэмы, «Петербургский текст», пейзаж, стихия, образы, мотивы, рифмы, эпитеты

THE IMAGE OF ST. PETERSBURG IN A. PUSHKIN'S POEM «THE BRONZE HORSEMAN»

S. Dzhanumov

*Moscow City Pedagogical University
4 2nd Selskokhozyaystvenny pr., Moscow 129226, Russian Federation*

© CC BY Джанумов С. А., 2020.

Abstract.

Purpose. The purpose of the study is to identify the Pushkin concept of St. Petersburg in the poem "The Bronze Horseman", a stable set of motifs and images related to the "northern capital".

Methodology and Approach. The article provides an analysis of the views of some previous and modern researchers of the last Pushkin poem. It argues that the "Peter's city" in Pushkin's creative mind was associated with the invincibility and power of Russia. The methodology lies in the revealing of Pushkin's literary devices in describing Petersburg (images, rhymes, epithets, etc.).

Results. Attention is drawn to the fact that many of the images and colours in the painting of St. Petersburg are nothing but Pushkin's reminiscences and auto quotes, which does not change, in V. Belinsky's words, "high and powerful poetry" of not only the Introduction but also of the entire "St. Petersburg story". It is concluded that The Bronze Horseman is one of those Pushkin's works that laid the foundation for the Petersburg Text (V. Toporov's term) of Russian literature.

Theoretical and Practical Implications. The article summarizes the material on the topic under study and, at the same time, introduces into scientific circulation the observations on the author's cultural, historical, and landscape characteristics of St. Petersburg presented in the Pushkin poem. Based on the analyzed material, we can conclude that in The Bronze Horseman Petersburg is presented as an object and subject of the story. The poetic techniques highlighted in the article are aimed at conveying Pushkin's perception of the magnificence, charm, and beauty of Petersburg and, at the same time, its disharmony during the hours of devastating floods, the full rule of the forces of nature.

Keywords: two faces of Petersburg, the literary background of the poem, «Petersburg Text,» landscape, a force of nature, images, motifs, rhymes, epithets

ВВЕДЕНИЕ

Последняя поэма Пушкина «Медный Всадник» (1833) имеет почти двухвековую историю изучения. Как отмечает М. Н. Виролайнен в третьем выпуске «Пушкинской энциклопедии» [5] в словарной статье, посвященной «Медному Всаднику», «неразрешимость изображённого в поэме конфликта и её смысловая многоплановость породили удивительную разногласию суждений о самом содержании поэмы, о смысле её сюжета» [5, с. 76]. И в первые десятилетия XXI века эта «петербургская повесть» продолжает привлекать внимание исследователей. В последние годы вышли в свет работы, в которых поставлен целый ряд вопросов, важных для истолкования смысла и содержания этого пушкинского шедевра. Кратко остановимся на некоторых из этих работ, так или иначе связанных с проблематикой нашей статьи.

Один из крупнейших современных пушкинистов Н. И. Михайлова включила в свою монографию «Болдинская осень» [10] две статьи, посвящённые «Медному

Всаднику»: «К литературному фону поэмы А. С. Пушкина "Медный всадник"», «Поэма А. С. Пушкина "Медный всадник" (тема Петра и ораторская традиция)». И хотя обе указанные статьи уже были ранее опубликованы в «Болдинских чтениях», они сохраняют своё научное значение.

В первой из этих статей литературный фон «Медного Всадника» существенно расширяется за счёт проповеди, которую произнёс архимандрит Поликарп в Казанском соборе 14 ноября 1824 года: «Слово по случаю бывшего в Санкт-Петербурге наводнения 1824 года, 7 ноября» (т. е. неделю спустя после катастрофы). Это церковное «Слово», по мнению автора статьи, «... дополняет наше представление о той фактографической среде, в которой создавалось и в соотнесении с которой воспринималась поэма Пушкина» [10, с. 63].

Изучение «Медного Всадника» в связи с ораторской культурой XVIII – первой трети XIX века продолжено во второй из указанных выше статей Н. И. Михайловой. И здесь автор статьи привлекает к анализу ораторский текст, который ранее не использовался в исследованиях, посвящён-

ных «Медному Всаднику»: «Слово в похвалу Санктпетербурга и его Основателя, Государя Императора Петра Великого, говоренное пред лицом сего Монарха, Преосвященным Гавриилом Бужинским, Епископом Рязанским и Муромским...». Это и другие рассмотренные в статье ораторские «Слова» Н. И. Михайлова вполне обоснованно привлекает «... и в качестве возможных литературных источников «Медного всадника», и в качестве типологического сопоставительного материала для выявления тех особенностей поэтики Пушкина, которые восходят к русскому красноречию» [10, с. 66].

Заслуживает внимания и докторская диссертация В. Л. Коровина «Библейские темы в русской поэзии XVIII – первой половины XIX века» [9], где в главе двенадцатой выявлен один из никем ещё не замеченных литературных источников «Медного Всадника» – стихотворение Е. В. Херасковой (супруги М. М. Хераскова) «Потоп. По расположению г. Геснера» (впервые: «Вечера», еженедельное издание на 1772 год (СПб., 1772. Ч. 1. С. 156–160), подражание прозаической поэме швейцарского поэта Саломона Геснера (Gessner, 1730–1788) «Потоп. Семира и Семин» (1762). В этой поэме изображается гибель двух влюблённых во время Всемирного потопа. Один из четырёх русских переводов поэмы принадлежал А. С. Шишкову (1785). В. Л. Коровин обнаруживает в «Медном Всаднике» тематические, сюжетные и образные переключки с «Потопом» Геснера и, в особенности, со стихотворением Е. В. Херасковой. Вместе с тем, по мнению исследователя, «картина мира в «Медном всаднике» полемична по отношению к идеологии и эстетике Геснера и его идиллий, на нравственные ценности которых ориентированы мечты пушкинского “бедного Евгения”» [9, с. 25].

В статье В. А. Викторovichа «“Медный всадник” в творчестве Ф. М. Достоевского» (2019) [4] выявляются отзвуки последней пушкинской поэмы в произведениях Достоевского. Как подчёркивает автор статьи в аннотации, «в «петербургской

поэме» «Двойник» парафраз ощущается в хронотопе (ноябрь, Петербург, тротуарная тумба), в угрозе наводнения и явлении сверхличного могущества, которое у Достоевского персонифицируется, вместо статуи, в двойнике. Подобно пушкинскому Евгению, Голядкин бросает вызов гнетущей силе и переживает катастрофу безумия. В отличие от Пушкина, у Достоевского деструкция исходит как от враждебного мира, так и от амбициозной личности героя. Достоевский прочитал пушкинский шедевр как экзистенциальный сюжет о богооставленности человека, усомнившегося в прочности мирового бытия. Этот мотив заявлен уже в «Бедных людях», а затем получает развитие, кроме «Двойника», в «Господине Прохарчине», «Слабом сердце», где к катастрофе ведёт неуверенность и страх жизни. <...> Петербургский текст Достоевского формируется в виду «Медного всадника» на грани символики, связующей с темой библейского Иова, и фантазмагии города-призрака. Поэма о Петре и Евгении стала частью пушкинского кода русской литературы, получив возможность наращивать смысловой потенциал в последующих эпохах» [4, с. 107].

Как прозорливо заметил в своей посмертно вышедшей в свет монографии «Петербургский текст» [12] академик В. Н. Топоров, «Петербург познавал самого себя не столько из описания реалий жизни, быта, своей все более и более углубляющейся истории, сколько из русской художественной литературы. <...> Восстав из «топи блат», Петербург расколол русское общество на две непримиримые части: для одной это был «парадиз», окно в Европу, в которую Петербург старался втащить всю Россию, для другой он был бездной, предвещанием эсхатологической гибели. Попытки примирения двух крайностей не удавались, более того, сама идея их синтеза представлялась неосуществимой» [12, с. 25].

Показательно, что учёный, открывший «... в нашей культуре такое сверхъявление, как её *петербургский текст*» (курсив С. Г. Бочарова. См. его вступи-

тельную статью к указанной монографии В. Н. Топорова. – С. Д.) [12, с. 5], в самом начале книги цитирует «Медного Всадника» Пушкина. И это неслучайно. Если К. Н. Батюшков своим очерком «Прогулка в Академию художеств» (1814) во многом предвосхитил описание Петербурга в «Медном Всаднике», то Пушкин остался в русской литературе писателем, который сумел воссоздать не только в этой поэме, но и в других своих произведениях два лика Петербурга. Вот как об этом пишет В. Н. Топоров: «Батюшков был, пожалуй, первым, кто за наличным бытием Петербурга узрел нечто общее и светлое, не только объединяющее разноплановые реалии в целое, но и подведшее к порогу открытия новых смыслов, которыми чреват Петербург. Первым же открывателем этих смыслов города суждено было стать Пушкину, у которого петербургская тема обрела самодовлеющую ценность и открыла новое широкое пространство для осмысления сути города, если угодно, его души» [12, с. 25].

Но ещё до В. Н. Топорова обнаружил значительное сходство очерка Батюшкова «Прогулка в Академию художеств» с пушкинской поэмой Н. В. Фридман в своей монографии «Проза Батюшкова» [13]: «Рисую в «Медном всаднике» основание Петербурга, Пушкин обратился к тому произведению Батюшкова, где оно было ярко изображено, и воспроизвёл в своей поэме идейно-композиционную схему этого описания и отдельные его образы. Основным стержнем всей картины у Пушкина и у Батюшкова становится контраст прошлого и настоящего земли, на которой был построен Петербург» [13, с. 160]. И далее Н. В. Фридман, сравнивая поразительно совпадающие мотивы и образы «Медного всадника» и «Прогулки в Академию художеств», приходит к выводу: «Желая изобразить основание Петербурга, Пушкин совершенно естественно обратился к тому произведению своего предшественника, где – если вспомнить выражение из «Арапа Петра Великого» – была прославлена “по-

беда человеческой воли над сопротивлением стихий”» [13, с. 163].

Несколько по-иному оценивал роль Петра в строительстве Петербурга Н. М. Карамзин. В «Записке о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях» (1811) он считал «основание новой столицы на северном крае государства» «ошибкой», хотя и «блестящей», Петра. Вот как об этом пишет Карамзин в своей «Записке...»: «Утаим ли от себя ещё одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осуждённых природою на бесплодие и недостаток. <...> Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действие сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах. <...> Человек не одолеет натуры!» [8, с. 37].

Правда, тут же Карамзин как бы оправдывает эту «ошибку» Петра величием совершённых им преобразований: «Но великий муж самыми ошибками доказывает своё величие: их трудно или невозможно изгладить – как хорошее, так и худое делает он навеки. Сильною рукою дано новое движение России; мы уже не возвратимся к старине!..» [8, с. 37].

Нельзя не увидеть переключку приведённых выше суждений Карамзина из его «Записки...» со стихотворением «Моя родословная» (1830) и поэмой «Медный Всадник» Пушкина:

- (1) Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля¹;
- (2) ...Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво²;
- (3) Какая сила в нем сокрыта!³;

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 3. С. 263.

² Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н.В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 9.

³ Там же, с. 21.

*(4) На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?¹.*

В литературе о «Медном Всаднике» нераз указывались и другие произведения русских и зарубежных авторов конца XVIII – первой трети XIX века, так или иначе получивших отклик в пушкинской поэме, оказавших на неё определённое воздействие. С наибольшей полнотой этот «литературный фон» поэмы представлен в издании «Медного Всадника», подготовленном Н. В. Измайловым в серии «Литературные памятники»², в одном из «Дополнений» к тексту поэмы. Некоторые из этих авторов, как отмечает Н. В. Измайлов, «названы самим Пушкиным в примечаниях к «Петербуржской повести»: Мицкевич, П. А. Вяземский, Альгаротти; особое место занимают В. Г. Рубан, упомянутый в тех же примечаниях в связи с Мицкевичем, и Д. И. Хвостов, которому посвящено три с половиной стиха в тексте поэмы. Но кроме этих, указанных самим поэтом авторов, нужно назвать ещё несколько имён: А. Н. Радищев, К. Н. Батюшков, Н. И. Гнедич, Жозеф де Местр, С. П. Шевырев»³.

ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА В ПОЭМЕ ПУШКИНА

При обращении к тексту «Медного Всадника» сразу же обращает на себя внимание авторский подзаголовок произведения: «Петербуржская повесть». Как отмечает в своей словарной статье об этой пушкинской поэме М. Н. Виролайнен, «стихотворная повесть оформилась как жанровое образование по ходу эволюции романтической поэмы» [6, с. 88]. И далее автор словарной статьи указывает на то, что «у Пушкина подзаголовок «повесть» впервые появляется в «Кавказском пленнике» (1821–1822)...» [5, с. 88]. Но нас в подзаголовке «Медного Всадника» интересует не столько жанровое определение произведения – «повесть», сколько её то-

понимическая привязанность именно к Петербургу: «Петербуржская (курсив мой. – С.Д.) повесть». И это, конечно, неслучайно, так как, по справедливому суждению Н. В. Измайлова, «образ Петербурга проходит через всю поэму – от первых строк Вступления <...> до заключительных строк об «острове малом» на взморье, где находит свою могилу «ничтожный герой», освобождённый смертью от страданий»⁴.

Действительно, уже во Вступлении сделан акцент на том историческом моменте, когда в сознании Петра появляется мысль об основании новой столицы России на взморье, «на берегу пустынных волн». И далее следует первый набросок петербургского пейзажа. Как тонко отмечено С. Г. Бочаровым, «схема этого пейзажа в самом общем выглядит так: вода и камень в разнообразных между собой отношениях минус земля. Много воды и много камня, почти нет земли (курсив С. Г. Бочарова. – С. Д.) [3, с. 352].

Сначала ничто, казалось бы, не предвещает создания чудесного будущего города среди окружающей Петра бедной и несколько мрачноватой природы:

*На берегу пустынных волн
Стоял Он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По миштым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца
Кругом шумел⁵.*

Рисуя эту унылую картину, Пушкин как бы отвечает на вопрос К. Н. Батюшкова в его очерке «Прогулка в Академию художеств» (1814): «... что было на этом месте до построения Петербурга?»⁶

⁴ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 242.

⁵ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 9.

⁶ Батюшков К. Н. Опыт в стихах и прозе / Издание подготовила И.М. Семенко. М.: Наука, 1978. 608 с.

¹ Там же, с. 21.

² Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н.В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 125–144.

³ Там же, с. 125.

Казалось бы, никакое строительство нового города в таком гиблом месте невозможно. Но Пушкин, как уже не раз отмечалось, рисуя в первых строках своей поэмы Петра-демиурга, стоящего на берегу широкой реки, «на берегу пустынных волн», во многом находится во власти «воображения» своего предшественника – К. Н. Батюшкова, который в своем прозаическом этюде восклицает: «И воображение моё представило мне Петра, который в первый раз обозревал берега дикой Невы, ныне столь прекрасные!»¹

Однако образный строй, формирующий начальные строки Вступления, восходит не только к К. Н. Батюшкову, но и к более ранним произведениям самого автора «Медного Всадника». Так, эпитет «пустынные» (здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, курсив мой. – С.Д.) волны» мы встречаем в стихотворении Пушкина «Наполеон» (1821): «Почий среди пустынных волн...»². Привычна для Пушкина и часто употребляется в его поэзии рифма «волн : полн», например, в более раннем лицейском стихотворении, также посвящённом Наполеону, – «Наполеон на Эльбе» (1815):

«Вокруг меня все мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не взвояет над могилой –
Я здесь один, мятежной думы полн...»³

Как видим, пейзаж почти тот же, что и в начале Вступления к «Медному Всаднику»: снова волны, только не «пустынные», а «бурные» (впрочем, в поэтическом хозяйстве Пушкина, как отмечал ещё В. Ф. Ходасевич в своей книге «О Пушкине» [14] (впервые: Берлин: Петрополис, 1937), ничего не пропадало): в «Медном Всаднике» «бурные волны» тоже появятся, только уже не во Вступлении, а во второй части поэмы: «И долго с бурны-

ми волнами / Боролся опытный гребец...»⁴); «туман», «утлый... челн» (в «Медном Всаднике» – «бедный челн»⁵).

И Наполеон в стихотворении, и Пётр I в начале Вступления среди окружающей природы одиноки и «полны дум», но Наполеона обуревают «мятежные думы», а Пётр «дум великих полн». Академик В. М. Жирмунский в своей книге «Теория стиха» заметил, что указанная выше рифма в начале Вступления утраивается: «В этом отрывке, характерном для рифмовой техники Пушкина, целый ряд смысловых рифм – грамматически разнородных, захватывающих корень слова; например – волн : полн : челн...» [6, с. 293].

Возможно, неслучайно и эпитеты, и рифмы, и пейзажные картины, и другие художественные детали, связанные с ранними стихотворениями, посвящёнными Наполеону, пришли на ум Пушкину при начертании первых строк «Медного Всадника». В своих статьях и заметках Пушкин не раз сопоставлял и даже сблизил этих двух великих исторических лиц – русского и французского императоров. Так, в статье «<Заметки по русской истории XVIII века>» (1822) Пушкин, рассуждая о Петре I, по какой-то ассоциации вспоминает о Наполеоне: «Петр I не страшился народной Свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон»⁶.

Годом ранее, в упомянутом выше стихотворении 1821 года «Наполеон» Пушкин, узнав в Кишиневе о смерти великого узника на острове Св. Елены и подводя итог историческим деяниям Наполеона, осудит его теми же словами, что и затем Петра I: «Ты человечество презрел»⁷.

(Литературные памятники). С. 73.

¹ Там же, с. 73.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 2. С. 213.

³ Там же. Т. 1, с. 88.

⁴ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 18.

⁵ Там же, с. 9.

⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 11. С. 14.

⁷ Там же. Т. 2, с. 214.

Однако это в статьях и заметках. Во Вступлении же к поэме Пушкин не скрывает своего восхищения русским царём (Пётр I принял титул императора незадолго до своей смерти, в 1722 году) и созданного по его воле чудесного города – Петербурга.

Но вернёмся к рифме «волн : полн». Она, как правило, встречается у Пушкина в контексте тех же поэтических образов и пейзажных описаний, что и в «Медном Всаднике», например, в концовке стихотворения «К морю» (1824):

*В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн¹.*

Здесь «леса» и метафорические «пустыни» противопоставлены «говору волн» (ср. в пушкинской поэме: «пустынных волн» и «лес, неведомый лучам»).

А в стихотворении «Арион» (1827) та же тройная рифма, что и в первом фрагменте Вступления к «Медному Всаднику»:

*<...> В тишине
На руль склоняясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я – беспечной веры полн –
Пловцам я пел.... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...²*

Наконец, указанная рифма вновь появляется у Пушкина в концовке стихотворения «Поэт» (1827):

*Бегит он, дикой и суровой,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...³*

Напомним, что в начале «Медного Всадника» Пётр («Он») стоит «на берегу пустынных волн», а вместо «широкошумных дубров» в поэме «лес <...> кругом шумел». И это ещё раз подтверждает убеждённость В. Ф. Ходасевича в том, что «он (Пушкин. – С. Д.) был до мелочей бережлив и памятли в своём поэтическом хозяйстве. Один стих, эпитет, рифму порою берёт подолгу и умел, наконец, использовать» [14, с. 418].

¹ Там же. Т. 2, с. 333.

² Там же. Т. 3, с. 58.

³ Там же. Т. 3, с. 65.

Более подробно о всех случаях использования рифмы «волн : полн» в творчестве Пушкина см. в содержательной статье Т. П. Баталовой «Пушкинская рифма «волн : полн» и её выражение» (2009) [1, с. 34–39]. Что касается до так называемых «вечных» или повторяющихся рифм у Пушкина, то об этом хорошо сказал в своей «Книге о русской рифме» [11] поэт Д. С. Самойлов: «Пушкин ценил не необычность словосочетания, небывалую рифму, а смысл, накопленный в словосочетании и в пространстве между двумя рифмуемыми словами. Для гениального архитектора вовсе не нужны кирпичи разного размера. Свежесть слова обнаруживается в контексте, полюбившееся слово бережно сохраняется и многократно ставится в строку, чтобы обнаружить все свои смысловые грани» [11, с. 120].

В. Н. Топоров полагал, что «начало Петербургскому тексту было положено на рубеже 20–30-х годов XIX в. Пушкиным («Уединённый домик на Васильевском», 1829; «Пиковая дама», 1833; <...> «Медный Всадник», 1833, ср. также ряд «петербургских» стихотворений 30-х годов)» [12, с. 659].

В статье «“Всё же мне вас жаль немножко...”» Заметки на полях двух стихотворений Пушкина, в подстрочной сноске, С. Г. Бочаров уточняет: «Кажется, убедительно было бы открыть этот ряд петербургских стихотворений и с ним вместе сам ряд петербургского текста нашим стихотворением 1828 г. (автор статьи имеет в виду пушкинское стихотворение «Город пышный, город бедный...». – С. Д.): встающий в нём образ уже – впервые, может быть, в литературе – отличается той поэтически-теоретической, историософской концептуальностью и сгущённостью, которая позволяет говорить о петербургском тексте литературы как о новом явлении, в отличие просто от петербургской темы в литературе. «Город пышный, город бедный...» как бы собрал и вместил уже известную критическую массу, позволяющую говорить о новом явлении» [3, с. 58].

И ниже, в той же статье, С. Г. Бочаров отмечает: «Итак, «Медный Всадник». В

самом деле, есть, кажется, ниточка связи к нему от петербургско-оленинской миниатюры (С. Г. Бочаров имеет в виду, что указанное стихотворение посвящено Анне Алексеевне Олениной (1808–1888). – С. Д.). Только там всё будет наоборот. *Вознёсся пышно, горделиво* (курсив С. Г. Бочарова. – С. Д.). Пышное слово является так, что никакого противоречия ему не предполагается. Тут же и стройный вид, и гранит встают под знак «Люблю». Словарный состав петербургского стихотворения важной частью своей, основными словами, но под иными знаками, переходит в петербургскую повесть» [3, с. 61].

И это действительно так. Вспомним, какими словами Пушкин рисует результат «дум великих» Петра:

*Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;*

<...>

*В гранит оделася Нева; <...>
Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...¹*

Но и «город бедный», и «свод небес зелёно-бледный» тоже появятся, если можно так выразиться, «отзовутся», но уже не во Вступлении, а в первой и второй частях поэмы: «Что был он *беден...*»; «пожитки *бледной нищеты*» (ср. в VIII «Подражании Корану» Пушкина: «Торгуя совестью пред *бледной нищетою*»²); «*Бедняк* проснулся»; «*И бедный* ужин свой варит»³; «*И бледный* день уж настает...»; «Утра луч / Из-за усталых *бледных* туч...»⁴. Да и «холод» из портрета Петербурга в лирической мини-

атюре тоже перейдёт, в несколько ином словесном обрамлении и значении, в текст поэмы: «Люблю зимы твоей *жестокой* / Недвижный воздух и *мороз*»; «Над омраченным Петроградом / *Дышал* ноябрь *осенним хладом*» (ср. в стихотворении «Осень (Отрывок)», законченном в начале ноября 1833 года, через несколько дней после завершения работы над «Медным Всадником»: «*Дохнул осенний хлад* – дорога промерзает...»⁵); «Уже по улицам свободным / С своим бесчувствием *холодным* / Ходил народ»⁶.

Но вернёмся к образу Петербурга в поэме «Медный Всадник». Как известно, рассматривая эту поэму в своём цикле статей «Сочинения Александра Пушкина», В. Г. Белинский в «статье одиннадцатой и последней» утверждал: «Настоящий герой её (поэмы. – С. Д.) – Петербург. Оттого и начинается она грандиозною картиною Петра, задумывающего основание новой столицы, и ярким изображением Петербурга в его теперешнем виде» [2, с. 542]. И далее критик приводит довольно большой фрагмент из Вступления к поэме, где даётся развёрнутое описание города до и после его основания. По справедливому замечанию Белинского, описание это исполнено «... высокой и мощной поэзии» [2, с. 543].

Однако многие краски и образы в картине Петербурга не что иное, как пушкинские реминисценции и автоцитаты, что, конечно, нисколько не отменяет, говоря словами Белинского, «высокой и мощной поэзии» не только Вступления, но и всего рассматриваемого произведения.

Начнём с эпитетов «пышный» и «горделивый»: «Вознёсся пышно, горделиво»⁷. Уже не раз отмечалось, что словосоче-

¹ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 9–10.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 2. С. 356.

³ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). Сс. 13, 15, 20, 23.

⁴ Там же, с. 14, 19.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 3. С. 318.

⁶ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). Сс. 10, 12, 19.

⁷ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 9.

тание «пышный град» по отношению к Петербургу стало общим местом в русской поэзии ещё до Пушкина. В цитируемой статье С. Г. Бочаров так писал о контрастах Петербурга, имея в виду первую строку стихотворения «Город пышный, город бедный...»: «Контрасты объединяются в монолит, и город пышный и город бедный взаимно предполагают друг друга как две стороны медали...» [3, с. 57]. А ниже, в подстрочной сноске к этим словам, вспоминает об одной из работ В. Н. Топорова: «Эпитету «пышный», «диагностически важному» в русской литературе, В. Н. Топоров посвятил специальное исследование (Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. II. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга II. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 327–348). Как выяснено здесь на многих примерах из русской поэзии (Сумарокова, М. Н. Муравьева, Жуковского, Батюшкова, Дельвига, Баратынского), «город пышный» («пышный град» – по преимуществу в этой форме) стал ко времени пушкинского стихотворения постоянным, почти дежурным эпитетом Петербурга» [3, с. 57].

Но и в раннем творчестве самого Пушкина этот эпитет, прочно спаянный с Петроградом (одно из названий северной столицы в «Медном Всаднике»: «Над омраченным Петроградом / Дышал ноябрь осенним хладом»), тоже встречается – в стихотворении «К сестре» (1814): «И в пышный Петроград (здесь и ниже курсив наш. – С. Д.) / Через долины, горы / Ретивые примчат»¹.

К слову, «северная столица» («Далече северной столицы / Забыл я вечный ваш туман»²) по-разному именуется в «Медном Всаднике»: «юный град»; «Петра творенье»; «военная столица»; «град Петров»³; четы-

режды – просто «город»⁴; «Петрополь»⁵. Все эти названия Петербурга не раз находим и в других произведениях Пушкина, например, в стихотворениях «Городок» (1815): «На тройке принесенный / Из родины смиренной / В великий град Петра»⁶; «К Галичу» (1815): «Оставь Петрополь и заботы / Лети в счастливый городок»⁷; в поэме «Граф Нулин»: «Себя казать, как чудный зверь, / В Петрополь едет он теперь»⁸ и др.

Теперь об эпитете «горделивый». По отношению к Неве и к Петербургу он употреблялся ещё до Пушкина – в русской поэзии XVIII века, например, в стихотворении М. Н. Муравьева «Богине Невы» (1794): «Протекай спокойно, плавно, / Горделивая Нева...»⁹

Но и сам Пушкин ранее не раз использовал эпитет «горделивый» не только как художественное определение «волшебных» пышных палат (например, в поэме «Руслан и Людмила» («Ходит он / Один среди храмин горделивых, / Супругу милую зовёт – / Лишь эхо сводов молчаливых / Руслану голос подает»¹⁰), но и, подобно «Медному Всаднику», либо по отношению к статуе (например, в стихотворении «Кинжал» (1821): «Ты Кесаря сразил – и мертв объёмлет он / Помпея мрамор горделивый»¹¹ (как известно, Юлий Цезарь («Кесарь») был заколот в зале заседаний Сената и пал к подножию статуи Помпея Великого. – С. Д.), либо говоря о живых властителях

⁴ Там же, сс. 9, 14, 19, 21.

⁵ Там же, с. 14.

⁶ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 1. С. 95.

⁷ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 1. С. 121.

⁸ Там же. Т. 5, с. 6.

⁹ Русская поэзия XVIII века / Вступительная статья и составление Г. П. Макогоненко. М.: Художественная литература, 1972. 735 с. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая). С. 434.

¹⁰ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 4. С. 63.

¹¹ Там же. Т. 2, с. 173.

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 1. С. 43.

² Там же. Т. 2, с. 170.

³ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н.В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). Сс. 9, 10, 11, 11.

(например, в поэме «Бахчисарайский фонтан» о хане Гирее: «Но повелитель *горделивый* / Махнул рукой нетерпеливой: / И все, склонившись, идут вон»¹; в стихотворении «Послание цензору» (1822): «Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры / Их *горделивые* разоблачал кумиры»²), и позднее, в незавершенном стихотворении 1835 года «Когда владыка ассирийский...», представляющем собой краткий пересказ первых глав библейской Книги Юдифь, об Олоферне: «Перед сатрапом *горделивым* / Израил выи не склонил...»³

Любопытно, что эпитет «горделивый» в «Медном Всаднике» приложен не только к Петербургу («Прошло сто лет, и юный град <...> / Вознесся пышно, *горделиво*»⁴), но и к монументу его основателя в части второй поэмы: «Он (Евгений. – С. Д.) мрачен стал / Пред *горделивым истуканом*»⁵. Причём во втором случае нельзя однозначно утверждать, кто называет «горделивым истуканом» Петра и памятник ему – Евгений или сам автор поэмы. Показательно также, что если в стихотворении «Послание цензору» Пушкин называет «горделивыми... кумирами» царских вельмож, то в «Медном Всаднике» кумиром трижды поименован сам царь, точнее, монумент Петра Великого: «*Кумир* на бронзовом коне»; «*Кумир* с простертою рукою / Сидел на бронзовом коне»; «Кругом подножия *кумира* / Безумец бедный обошел...»⁶

Показывая великолепие Петербурга в «Медном Всаднике», Пушкин несколько раз отмечает стройные, строго выдержанные гармонические очертания города: «По оживленным берегам / Громады *стройные* теснятся / Дворцов и башен»; «Люблю тебя, Петра творенье, / Люблю твой *стройный, стройный вид*»⁷ (ср. в упоминавшемся выше стихотворении: «Город пышный, го-

род бедный / Дух неволи, *стройный вид*»⁸; «Плеская шумною волной / В края своей *ограды стройной...*»⁹ (ср. в «Езерском»: «Бился вал / О пристань *набережной стройной...*»¹⁰). Всё стройно и красиво в Петербурге, даже «пехотные рати и кони»:

*Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных...*¹¹

Как видим, чтобы усилить впечатление, Пушкин использует так называемые тавтологические эпитеты, присущие русскому фольклору: «стройный строй» (ср., например, в былинах о Садко: «чудо чудное», «диво дивное»).

В своей книге «Пушкин в Петербурге» [7] Р. В. Иезуитова и Я. Л. Левкович следующим образом передавали пушкинское восприятие великолепия, очарования и красоты северной столицы в «Медном Всаднике»: «Петербург предстал перед читателем в своей неповторимой красоте со «стройными громадами дворцов и башен», со всеми приметами крупнейшего европейского торгового порта, ради которого и было прорублено Петром I «окно в Европу». Поэт сумел вместить в эту панораму всю яркую, праздничную сторону петербургской жизни, военные парады, салюты, воспеть очарование белых ночей, великолепие островов, строгую красоту петербургских архитектурных ансамблей» [7, с. 206].

Действительно, в поэме явственно присутствуют приметы «европейского тор-

¹ Там же. Т. 4, с. 155.

² Там же. Т. 2, с. 269.

³ Там же. Т. 3, с. 406.

⁴ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 9.

⁵ Там же, с. 22.

⁶ Там же, с. 16, 21, 21.

⁷ Там же, с. 10.

⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 3. С. 124.

⁹ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 12.

¹⁰ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 5. С. 97.

¹¹ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 11.

гового порта»: «Все флаги в гости будут к нам» (ср. в «Отрывках из путешествия Онегина»: «Дитя расчета и отваги, / Идет купец взглянуть на флаги»¹); «... корабли / Толпой со всех концов земли / К богатым пристаням стремятся»; «Товар запасливой торговли...»; «Торгаши отважный, / Не унывая, открывал / Невою ограбленный подвал...»². Но обнаруживаются приметы не только торгового, но и чиновного города: «Наш герой / Живет в Коломне; где-то служит...»; «Что служит он всего два года...»; «Пройдет, быть может, год другой – / Местечко получу...»; «Чиновный люд, / Покинув свой ночной приют, / На службу шел»; «Или чиновник посетит, / Гуляя в лодке в воскресенье, / Пустынный остров»³.

«Праздничная сторона петербургской жизни» проявляется не только в «блеске и шуме и говоре балов», в «пирушках холостых», в военных парадах на Марсовом поле, но и в пальбе из пушек со стороны Петропавловской крепости в честь рождения наследника престола или победы над очередным внешним врагом:

*Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует...»⁴*

В пушкинском словоупотреблении *твердыня, крепость* часто выступает в тесной спаянности с *громом пушек* (см., например, стихотворение «Андрей Шень» (1825), где о взятии Бастилии во время Французской революции 1789 года поэт говорит, используя почти те же образы: «Я славил твой священный гром, / Когда он разметал позорную твердыню...»⁵).

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 6. С. 203.

² Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). Сс. 9, 10, 15, 19.

³ Там же, сс. 12, 13, 13, 19, 23.

⁴ Там же, С. 11.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР,

О том, насколько устойчивы были перечисленные выше образы для Пушкина, свидетельствует и написанное через два года после «Медного Всадника» стихотворение «Пир Петра Первого» (1835): «Над Невою резво вьются / Флаги пестрые судов»; «И Нева пальбой тяжелой / Далеко потрясена»; «Озарен ли честью новой / Русской штык иль русский флаг? / Побежден ли швед суровый? / Мира ль просит грозный враг?»; «И раздался в честь Науки / Песен хор и пушек гром?»; «Годовщину ли Полтавы / Торжествует государь?»; «Родила ль Екатерина? / Именинница ль она, / Чудотворца-исполина / Чернобровая жена?»⁶ (ср. в «Медном Всаднике»: «Добро, строитель чудотворный! / Шепнул он, злобно задрожав...»⁷).

К слову, следует отметить любопытную и приводящую к определённым выводам «игру» Пушкина с предложениями. Во Вступлении Петр I («Он») думает «ногою твердой стать *при море* (здесь и далее курсив мой. – С. Д.)»; в части первой поэмы «Нева всю ночь / Рвалася к морю против бури, / Не одолев их буйной дури...»; в части второй Евгений негодует на «Того, чьей волей роковой / Под морем город основался...»; в эпилоге поэмы «Остров малый / На взморье виден». Если вспомнить несколько раз повторяющийся ответ корабельщиков царю в «Сказке о царе Салтане» («За морем житье нехудо»⁸), то картина получается почти полной. Конечно, эта «игра» с предложениями далеко не случайна, как и всё у Пушкина. Применительно к «Медному Всаднику» она и здесь вскрывает подспудный спор и явный конфликт Евгения со «строителем чудотворным». Для Петра I важно и целесообразно «заложить» город «*при море*», Евгений же обвиняет «державца полумира» в том, что тот

1937–1949 (1959). Т. 2. С. 398.

⁶ Там же. Т. 3, с. 408–409.

⁷ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 22.

⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. (Т. 17 – Справочный: Дополнения и исправления. Указатели (1959)). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949 (1959). Т. 3. Сс. 514, 518, 524.

основал город «под морем», то есть в месте, постоянно подверженном угрозе затопления и наводнения, что и привело, в конечном счёте, к гибели его невесты.

В первой части поэмы во время страшного наводнения гармония и «стройность» Петербурга нарушаются, уничтожаются:

*Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревны, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!¹*

Как видим, здесь экспрессивное изображение разбушевавшейся природной стихии уподобляется разбойничьему набегу: «... злые волны, / Как воры, лезут в окна». То же и в начале второй части поэмы, когда «... насытятся разрушением / И наглым буйством утомясь, / Нева обратно повлеклась...»²

Но «Петра творенье» выдерживает это испытание, и уже на следующий день «в порядок прежний все вошло»³. Несокрушимость и мощь «Петрополя», устоявшийся «порядок» оказались сильнее буйства стихии. По мысли Пушкина, Петербург – «полночных стран краса и диво»⁴, символ русской государственности, несмотря на все внешние и внутрен-

ние потрясения, «неколебимо» выстоит наперекор стихиям, наперекор «тщетной злобе» финских волн. И потому как заклинание, почти как молитва звучат предпоследние строки Вступления:

*Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия.
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье обобщён материал по исследуемой теме и вместе с тем в научный оборот введены наблюдения над авторскими культурно-историческими и пейзажно-ландшафтными характеристиками Петербурга, представленными в пушкинской поэме. На основе проанализированного материала можно сделать вывод, что в «Медном Всаднике» Петербург представлен как объект и субъект повествования. Выделенные в статье поэтические приёмы направлены на то, чтобы передать пушкинское восприятие великолепия, очарования и красоты Петербурга и вместе с тем его дисгармонию в часы разрушительного наводнения, безраздельного господства стихии.

Статья поступила в редакцию 15.01.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталова Т. П. Пушкинская рифма «волн : полн» и её выражение // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. №1. С. 34–39.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. М.: Издательство АН СССР, 1955. 740 с.
3. Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М.: Языки славянских культур, 2007. 656 с. (*Studia philologica*).
4. Викторovich В. А. «Медный всадник» в творчестве Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. №4. С. 107–122.
5. Виролайнен М. Н. Медный всадник. Петербургская повесть (1833) // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 3: Л–О. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 75–98.

¹ Пушкин А. С. Медный Всадник / Издание подготовил Н.В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 288 с. (Литературные памятники). С. 14–15.

² Там же, с. 17.

³ Там же, с. 19.

⁴ Там же, с. 9.

6. Жирмунский В. М. Теория стиха / Книга подготовлена Н. А. Жирмунской. Л.: Советский писатель, 1975. 664 с.
7. Иезуитова Р. В., Левкович Я. Л. Пушкин в Петербурге. СПб.: Издательство «Пальмира»; М.: Книга по Требованию, 2017. 382 с.
8. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях / Предисловие, подготовка текста и примечания Ю.С. Пивоварова. М.: Наука, 1991. 127 с.
9. Коровин В. Л. Библиейские темы в русской поэзии XVIII – первой половины XIX века: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 38 с.
10. Михайлова Н. И. Болдинская осень: монография. Саранск: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2015. 188 с.
11. Самойлов Д. С. Книга о русской рифме. М.: Художественная литература, 1973. 280 с.
12. Топоров В. Н. Петербургский текст / Вступительные статьи С. Г. Бочарова; Т. В. Цивьян. М.: Наука, 2009. 820 с. (Памятники отечественной науки. XX век).
13. Фридман Н. В. Проза Батюшкова. М.: Наука, 1965. 167 с.
14. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3: Проза. Державин. О Пушкине / Составление, подготовка текста И. П. Андреевой, С.Г. Бочарова, А. Л. Зорина, И. З. Сурат. М.: Согласие, 1997. 592 с.

REFERENCES

1. Batalova T. P. *Pushkinskaya rifma «voln : poln» i ee vyrazheniye* [Pushkin's Rhyme "волн : полн" and its expression]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma Nekrasov State University]. 2009, no. 1, pp. 34–39.
2. Belinskiy V. G. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete collection of works]: in 13 vol. V. 7. М.: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955. 740 p.
3. Bocharov S. G. *Filologicheskiye syuzhety* [Philological stories]. М.: *Yazyki slavyanskikh kul'tur* [Languages of Slavic cultures], 2007. 656 p. (Studia philologica).
4. Viktorovich V. A. «*Mednyy vsadnik*» v tvorchestve F.M. Dostoyevskogo ["The bronze horseman" in the works of F. Dostoevsky]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics], 2019, vol. 17, no. 4, pp. 107-122.
5. Virolaynen M. N. *Mednyy vsadnik. Peterburgskaya povest' (1833)* [The bronze horseman. The St. Petersburg story (1833)]. In: *Pushkinskaya entsiklopediya: Proizvedeniya* [Pushkin's Encyclopedia: Works]. No. 3: L–O. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 75–98.
6. Zhirmunskiy V. M. *Teoriya stikha* [The theory of verse] / Book prepared by N. Zhirmunskaya]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1975. 664 p.
7. Iyezuitova R. V., Levkovich Ya.L. *Pushkin v Peterburge* [Pushkin in St. Petersburg]. St. Petersburg, Pal'mira Publ.; М.: Книга по Требованию Publ., 2017. 382 p.
8. Karamzin N. M. *Zapiska o drevney i novoy Rossii v ee politicheskoy i grazhdanskoj otnosheniyakh* [A note on ancient and new Russia in its political and civil relations] / introduction, text preparation, and notes Y. Pivovarov. Moscow, Nauka Publ., 1991. 127 p.
9. Korovin V. L. *Bibleyskiye temy v russkoy poezii XVIII – pervoy poloviny XIX veka*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biblical themes in Russian poetry of the 18th – the first half of the 19th century: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2017. 38 p.
10. Mikhaylova N. I. *Boldinskaya osen': monografiya* [Boldino autumn: the monograph]. Saransk, Lobachevsky NN SU Publ., 2015. 188 p.
11. Samoylov D. S. *Kniga o russkoi rifme* [The book on the Russian rhyme]. М.: *Khudozhestvennaya literatura* Publ., 1973. 280 p.
12. Toporov V. N. *Peterburgskii tekst* [The Petersburg text] / Introductory article by S. Bocharov, T. Tsiv'yan. Moscow, Nauka Publ., 2009. 820 p. (*Pamyatniki otechestvennoy nauki. XX vek*).
13. Fridman N. V. *Proza Batiushkova* [Batiushkov's Prose]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 167 p.
14. Khodasevich V. F. *Sobraniye sochineniy: v 4 t. T. 3: Proza. Derzhavin. O Pushkine* [Collected works: in 4 vol. Volume 3: Prose. Derzhavin. On Pushkin] / Compil., the preparation of the text by I. Andreeva, S. Bocharov, A. Zorin, I. Surat. Moscow, Soglasie Publ., 1997. 592 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джанумов Сейран Акович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;
e-mail: DjanumovSA@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Seyran A. Dzhanumov – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the Russian Literature, Institute of the Humanities, Moscow City Pedagogical University;
e-mail: DjanumovSA@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Джанумов С. А. Образ Петербурга в поэме А. С. Пушкина «Медный Всадник» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №1. С. 93–106.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-93-106

FOR CITATION

Dzhanumov S. A. The Image of St. Petersburg in A. Pushkin's Poem "The Bronze Horseman". In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 1, pp. 93–106.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-93-106